

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Оригинальная статья

Павлюткин И. В.

Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия)

Лаборатория «Социология религии»
Православного Свято-Тихоновского университета
улица Новокузнецкая, дом 23Б, Москва, 115184, Россия
vanya-ne@yandex.ru

Аннотация. Религия описывается в социальных науках как институт, который традиционно благоприятствует семье. В более религиозных обществах в целом выше уровень рождаемости и более устойчивые браки, а значит, высокая ценность семьи согласуется с определенными действиями в интересах семьи. Одновременно по мере усиления процессов секуляризации связь религии и семьи ослабевает, и одновременно снижается ценность семьи и распадаются практики семейной жизни. Вместе с тем, пример современной России показывает исключение из этого общего правила. Несмотря на последовательный более чем двукратный рост доли населения, связывающего себя с православием в последние 30 лет, а также высокую декларируемую ценность семьи, не наблюдается адекватного этому росту изменения в соотношении браков и разводов, а также в уровне рождаемости. Для объяснения данного разрыва между ценностями и действиями автор предлагает применить понятие культуры семейной жизни, которое в социальных науках ближе всего по значению к понятиям габитуса и этоса. Оно включает определенные ценностные образцы, схемы действия, компетенции, которые снижают страхи, неопределённости, конфликтность в совместной жизни на этапах ключевых семейных переходов. Де-традиционализация семьи как следствие процессов секуляризации в этом смысле означает не просто упадок ценности семьи, а прерывание процессов передачи культуры семейной жизни, что и приводит к кризису брака и низкой рождаемости. Опираясь на результаты нескольких исследований перехода к многодетности, связи социального измерения религиозности с установками на рождение детей и устойчивость браков, обосновывается гипотеза о значении сплачивающего и связывающего социального капитала, как социальных механизмов, которые по-разному обеспечивают приобщение молодых семей к культуре семейной жизни. Наш вывод заключается в том, что динамика связи религии и семьи в России зависит от расширения или же сжатия таких социальных структур (школ, клубов, лагерей и т.п.), которые обеспечивают связь между церковными приходскими группами, как носителями культуры семейной жизни с несколькими детьми, и группами, которые причисляют себя к православию, выражают ценности семьи, но являются слабо религиозными.

Ключевые слова: культура семейной жизни; устойчивость брака; социальный капитал; религия; диффузия; православные приходы

Благодарность. Исследование осуществлено в 2024-2025 годах при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Информация для цитирования: Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31-49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Original article

Ivan V. Pavlyutkin

Social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian Orthodox Christianity)

Sociology of Religion Laboratory, St. Tikhon's University,
23B Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
vanya-ne@yandex.ru

Abstract. In the social sciences, religion is determined as an institution that traditionally favors the family. More religious societies generally have higher birth rates and more stable marriages, which means that the high value of the family is consistent with certain actions in the interests of the family. At the same time, secularization processes lead to a weakening of the coupling between family and religion, which affects the connection of values and practices in family life. However, the case of contemporary Russia shows an exception to this general rule. In the last 30 years, one can observe a consistent more than twofold increase in the proportion of the population affiliated with the Russian Orthodox Church, as well as the declared value of the family, according to various surveys. Nonetheless, there are no changes adequate to this growth in the ratio of marriages and divorces, as well as in the birth rate. To explain this gap between values and actions, we introduce the concept of family life culture, which in social sciences is close in meaning to the concepts of habitus and ethos. It includes certain value patterns, action patterns, and competencies that reduce fears, uncertainties, and conflicts in common life at the stages of family transitions. The detraditionalization of the family as a consequence of secularization processes in this sense means not just a decline in the value of the family, but an interruption of the processes of transferring the culture of family life, which leads to marriage failures and low fertility. Relying on the results of several studies on the life transition of families with many children, the relationship between the social dimension of religiosity and attitudes towards the birth of children and the stability of marriages, we formulate the hypothesis of the importance of uniting and binding social capital as social mechanisms that ensure the introduction of young families to the culture of family life is substantiated. In this sense, the dynamics of the relationship between religion and family depends on the compression or expansion of those social structures (schools, clubs, camps, etc.) that provide communication between church parish group, as bearers of a culture of family life with several children and groups that identify themselves as Orthodox, declare family values, but are weakly religious.

Keywords: Culture of family life; stability of marriage; social capital; religion; diffusion; Orthodox Christian parishes

Acknowledgment: The project was supported by Saint Tikhon's Orthodox University and The Active Tradition Foundation in 2024-2025.

Information for citation: Pavlyutkin, I. V. (2024), "The social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian Orthodox Christianity)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 31-49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Введение (Introduction). В России слабо связаны ценности семьи, представленные в опросах населения, и действия, когда речь заходит о реальности семейной жизни – устойчивости брака и рождения детей. Опросы общественного мнения десятилетиями фиксируют, что ценность семьи является наиболее важной для подавляющего большинства россиян, вступление в брак является предпочтительной жизненной траекторией, а семья с тремя и более детьми является желаемым идеалом почти для половины населения страны¹. Результаты таких исследований показывают определенную вариативность по возрастным группам и поколениям, однако в целом на протяжении последних десятилетий они довольно стабильны и устойчивы к этим вариациям. Отчасти высокие «ценностные показатели» подтверждаются относительно более низким возрастом вступления в брак и рождения первенца в сравнении с большинством стран современной Европы. Вместе с тем они не находят своей реализации на практике. Статистика рождаемости, соотношения браков и разводов, соотношение ожидаемого и реального количества детей, показатели распространенности внебрачных рождений и сожительств указывают на парадоксальное расхождение между тем, что люди обозначают в качестве ценностей в социологических опросах и тем, как им на практике удастся выстроить свою семейную жизнь (Артамонова, 2018; Тындик, 2012; Spéder, Kapitány, 2014).

Наблюдаемый разрыв между представлениями о ценностях и действиями воспроизводится в России несколько десятилетий, что идет в разрез с аргументами ряда известных социологических и демографических теорий, которые объясняют фундаментальные изменения, происходящие в последние пятьдесят лет в сфере семьи и рождаемости в Европе. Одна из них, популярная теория «ценностных сдвигов» или теория «второго демографического перехода», в рамках которой изменения объясняются снижением ценности семьи в обществе в целом. Брак становится одной из жизненных альтернатив, в ряду других более индивидуализированных ценностей (самореализации, саморазвития), что откладывает вопрос создания семьи и рождения детей, увеличивает вероятность многократных сожительств в течение жизни (Каа, 2001; Артамонова, Митрофанова, 2018). В качестве одной из причин этого «ценностного сдвига» называют процесс секуляризации, то есть ослабления влияния религии, которая является одним из источников семейных ценностей и норм. Вместе с тем, предложенные в рамках данной теории гипотезы как правило не проблематизируют разрыв между ценностями и действиями. Напротив, они исходят из того, что люди меньше вступают в брак и рожают детей, поскольку меньше ценят такой образ жизни, а больше ценят другие. Фактически ценности и действия

¹ Источников для цитирования слишком много, поэтому приведем лишь несколько с результатами свежих опросов. ВЦИОМ: Семья в системе традиционных ценностей. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 22.11.2024); ВЦИОМ: Семья как

ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 22.01.2024); ВЦИОМ: Многодетная семья: оценка и отношение. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie> (дата обращения: 22.04.2024).

согласуются между собой. Как мы видим в России, ориентации на ценности и идеалы семейной жизни являются стабильно высокими (см. Рисунок 1). Более того доля населения, идентифицирующего себя с православием выросла в несколько раз с начала 1990-х годов. Несмотря на это, не видно, чтобы ценности семьи были согласованы с практиками семейной жизни.

Другая теория аргументирует фундаментальные изменения процессами «деинституционализации семьи», то есть ослабления религиозных и гражданских норм, которые регулируют рождаемость и семейную жизнь и позволяют удерживать ее от распада (Cherlin, 2004; Regnerus, 2020). Речь идет о тех официальных и неформальных нормах, которые сопровождают процесс вступления в брак, вероятный развод, а также нормы внутрисемейного разделения труда. Неустойчивость таких норм по мнению социологов создаёт почву для конфликтов внутри семей и не позволяет реализовать ожидания супругов от семейной жизни (Berger, Kellner, 1964).

В последние двадцать лет, во всем мире наблюдается трансформация законодательств и публичных норм, так или иначе ослабляющих регулирование семейных отношений и дающих многим людям «свободы» выбора, входа и выходы из семьи. Это касается временных и стоимостных ограничений как для вступления в брак, так и для развода. Строгость норм, может означать более «высокую цену», которую надо заплатить за вступление в брак и рождение детей, так и за выход из него, что делает для многих недоступным такой выбор в молодом возрасте. Однако, это не случай России, где на протяжении последних пятидесяти лет гражданские и религиозные институты, регулирующие вход и выход из брака, и так

были очень «слабыми» и не могли напрямую влиять на выбор в пользу семьи, или же наоборот². До сих пор средний возраст вступления в брак и рождения первенца остается невысоким, что говорит о доступности и привлекательности такого образа жизни для населения. Однако такая практика раннего брака и рождения детей, сопряжена с частыми разводами и внебрачными рождениями, что в целом не способствует семейному развитию и остается загадкой объяснения для многих исследователей семьи.

За последнее десятилетие значительно вырос интерес российских исследователей к анализу взаимосвязи религии и семьи. Традиционно считается, что религия благоприятствует семье, поскольку выступает источником ценностей и норм семейной жизни. Однако на фоне процессов секуляризации взаимосвязь между ними становится слабой. Для проверки этого предположения в России проведен ряд исследований, результаты которых представлены более чем десятком статей в журналах по демографии, социологии, религиоведению, в которых авторы включали в модели разнообразные переменные религиозности для объяснения параметров рождаемости и устойчивости браков (Захаров, Чурилова, 2022; Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Забаев, Кострова, 2023; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Религиозные переменные в моделях преимущественно отражают личные вопросы о вере в Бога, принадлежности к конфессии, субъективной оценке религиозности, частоте молитвы и посещения богослужений. Результаты данных исследований на уровне страны в целом говорят о том, что религиозность, по-разному измеренная, скорее способствует укреплению семьи и рождению детей. Вместе с тем также подчеркивается, что

² Речь идет о низкой распространенности практики «развода по вине», всего одном месяце для вступления в пары официальный брак и всего одном

месяце для принятия официального решения о разводе.

вклад этого фактора не является исключительным, а имеет значение наряду с другими экономическими и социальными факторами. Более того, в отдельных моделях показано, что значительных различий между религиозными и нерелигиозными респондентами не наблюдается, особенно когда речь заходит о ценностях и установках. Например, в нескольких статьях аргументировано, что индивидуальные признаки религиозности, такие как частота молитвы или регулярность посещения религиозных служб, не являются однозначными предикторами установок на большее число рождений в семье, а также связаны с неопределённостью в отношении норм добрачного сожительства (Захаров, Чурилова, 2022; Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Алексева, 2023). Ряд признаков индивидуальной религиозности, которые считались устойчивыми предикторами просемейного поведения, не показывают «эффективного значения», либо указывают на размытость ценностно-нормативных представлений, связанных с семейной жизнью. Одно из возможных объяснений связано с тем, что поскольку на уровне целого общества доля религиозного

населения является низкой, нормы религиозных групп не транслируются на остальное общество. Даже наоборот, религиозная среда мимикрирует под «нормы» светского большинства.

На Рисунке 1 представлены основные тренды в сфере рождаемости, соотношения браков и разводов, религиозности и ценности семьи за последние три десятилетия. Пять показателей расположены на двух осях. Кроме значений суммарного коэффициент рождаемости³, значения остальных показателей отложены по правой оси: доля причащающихся раз в месяц и чаще⁴; доля россиян, которые считают семью важной ценностью⁵; соотношение коэффициента брачности и разводимости⁶; доля россиян, считающих себя православными⁷. На графике видно, что несмотря на более чем двукратный рост доли населения, причисляющей себя к православию, а также стабильно высокую долю населения, представляющего семью в качестве важной ценности, в России значительная доля браков заканчивается разводов, а уровень рождаемости в целом не отражает изменений в индивидуальной религиозности.

³ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) - <https://rosstat.gov.ru/>.

⁴ Результаты по оценке причащающихся собраны на основании: (Синелина 2013; Емельянов 2018), Опрос «Ортодокс Монитор» (2011, 2020, 2021), полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг // Фонд «Общественное мнение» [<http://fom.ru/TSennosti/11587>, доступ от 13.11.2024].

⁵ Данные всемирного исследования ценностей (WVS), ВЦИОМ.

⁶ Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. № 1043-10442. URL:

<https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (дата обращения: 22.09.2024); Демографический ежегодник России. 2023 и предыдущие выпуски ежегодника. URL:

<https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Результаты по оценке доли россиян, считающих себя православными. (Емельянов 2018), Опрос «Ортодокс Монитор» (2011, 2020, 2021), полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587> (дата обращения: 13.11.2024).

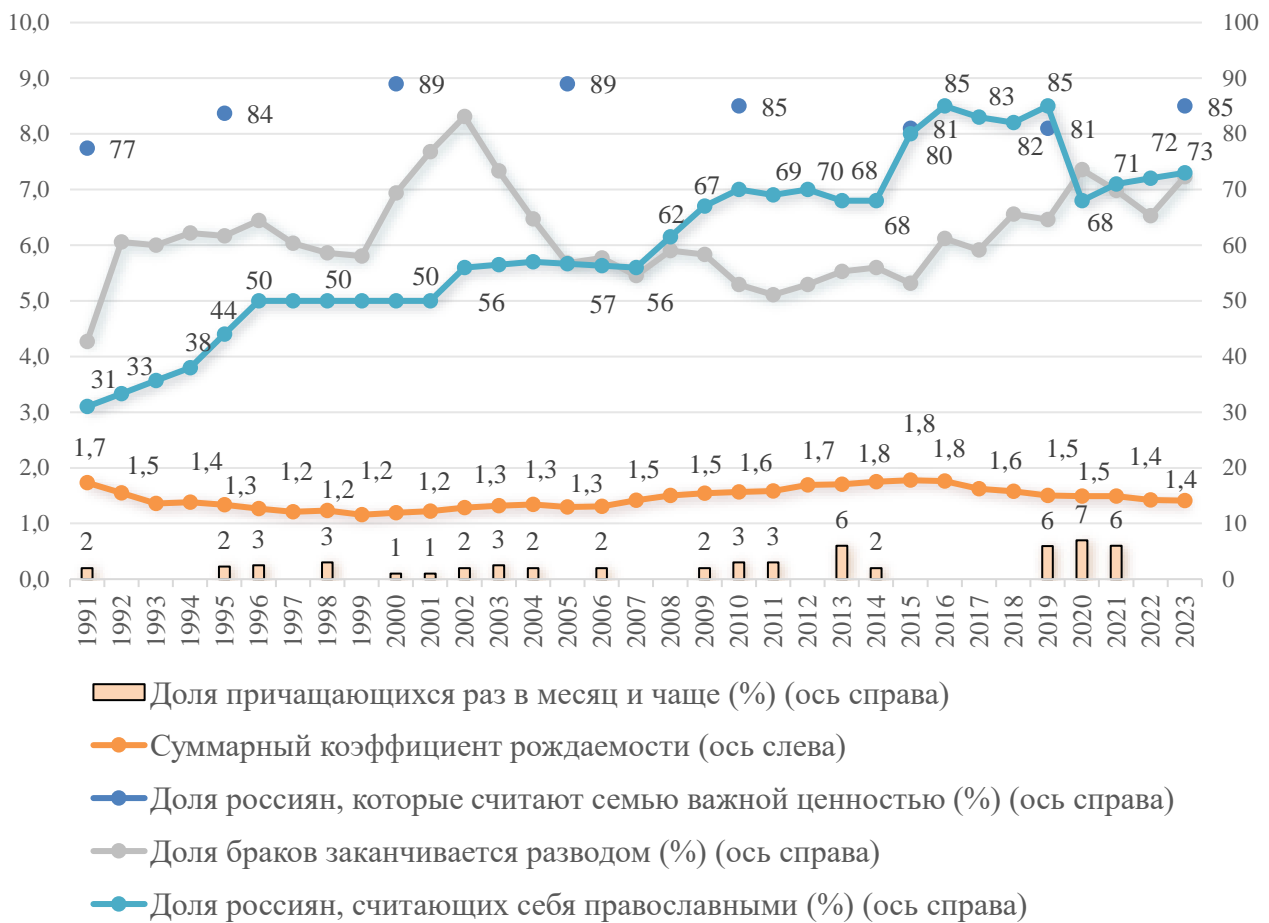

Рисунок 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости, признаков религиозности, поддержки ценности семьи и доли браков, заканчивающихся разводами в России (1991-2023)
Figure 1. Dynamics of total fertility rate, affiliation to Orthodox Christianity, church going and Eucharist, support of family values and the proportion of marriages ending in divorce in Russia (1991-2023)

Итак, религия определяется как источник семейных ценностей и норм, которые при высокой их оценке важности сегодня в России парадоксальным образом не реализуются на практике. В данной статье, опираясь на наблюдения, описанные в публикациях последних лет, мы предлагаем альтернативную гипотезу, объясняющую неустойчивость браков и низкую рождаемость. Она исходит из того, что парадоксальный разрыв между представлениями о ценностях и действиями в интересах семьи в России является следствием дестрадиционализации, то есть нарушения механизмов передачи культуры семейной

жизни. Одним из проявлений этого служит растущий спрос среди населения на социальные навыки и компетенции, образцы в сфере родительства и супружества, то есть приобщения к культуре семейной жизни. Отсутствие последних по мнению молодых людей делает очень неустойчивой семейную жизнь с детьми.

Методология и методы (Methodology and Methods). Мы обращаемся к понятию культуры семейной жизни, то есть определенным образцам, навыкам и компетенциям, которые приобретают значение для реализации в сфере супружества и родительства на

разных этапах совместной жизни. Это понятие указывает как на ценностное, так и на методическое (как выстроить семейную жизнь с несколькими детьми) измерение семейной жизни. Как правило, это понятие не выделяется и не проблематизируется, поскольку мы привыкли считать, что есть вещи, которые даются людям от природы или передаются «с молоком матери», а именно традиция того, как жить в семье.

Вслед за П. Бурдьё можно провести аналогию с понятием габитуса как диспозиции ума и тела, определенных схем мышления и действий, «необходимостей ставших добродетелями»⁸. Когда ученый вводит понятие габитуса для объяснения механизмов классового воспроизводства, он имеет ввиду прежде всего семейный габитус, то есть инкорпорированный культурный капитал, который ребенок получает в общении с родителями, что проявляется в развитии его талантов, вкусов, установок, взращиваемых в семье⁹. Бурдьё не обсуждает детально вопрос о том, как формируется габитус в семьях с разной структурой и насколько он устойчив как ресурс в случае неполных семей или семей с разным количеством братьев и сестер. В данном случае возможно также сделать обоснованное предположение, что формирование культурного капитала приобретает значение не только для возможностей человека на внешнем рынке труда, но и в сфере семейной жизни для создания семейного чувства сплоченности. «Чтобы понять, как семья превращается из номинальной фикции в реальную группу, члены которой объединены сильными

эмоциональными узами, необходимо принять во внимание всю практическую и символическую работу, которая превращает обязательство любить в любящий настрой (a loving disposition) и стремится наделить каждого члена семьи "семейным чувством", что порождает преданность, великодушие и солидарность. Это означает как присутствие бесчисленных будничных непрерывных обменов в повседневной жизни – обмен подарками, услугами, помощью, визитами, вниманием, добротой, – так и необычных и торжественных семейных мероприятий, которые часто санкционируются и увековечиваются фотографиями, символизирующими объединение всей семьи... Структуры родства и семьи как единого целого могут быть увековечены только путем постоянного создания семейных чувств, когнитивного принципа видения и разделения, который в то же время является эмоциональным принципом сплочения, т.е. сплоченность, которая жизненно важна для существования семейной группы и ее интересов» (Bourdieu, 1996: 22).

Опираясь на это видение П. Бурдьё можно предположить, разные кандидаты по-разному приобщаются к культуре, получая разный опыт, который в дальнейшем реализуется в практиках семейной жизни, искусстве родительства и супружеской жизни. Низкий уровень семейного культурного капитала может означать нехватку образцов, социальных навыков и компетенции для создания устойчивой семейной жизни с несколькими

⁸ «Согласно этому определению [Бурдьё], габитусы представляют собой "системы длительных и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные действовать в качестве структурирующих структур, иначе говоря, в качестве производящих и организующих принципов практик и представлений, которые могут быть объективно приспособлены к достижению целей, не предполагая сознательного целеполагания и строгого овладения операциями, необходимыми для их достижения. Они объективно

"отрегулированы" и "регулярны", не будучи следствием подчинения правилам и, являясь всем этим, коллективно "оркестрованы", не будучи произведением организующего действия дирижера» (Пьенкова 1996: 27).

⁹ Одновременно другой социолог Дж. Коулман обсуждает понятие закрытого социального капитала для объяснения того, почему возникает неравенство при формировании человеческого капитала в США в последующем поколении, в зависимости от вовлеченности или не вовлеченности семьи в общение с детьми-школьниками.

детьми. Как следствие это приводит к семейным неудачам или же наоборот к желанию восполнить возникшую нехватку семейных компетенций. Исследования воспроизводства разводов в поколениях, а также воспроизводства стилей родительства в целом делают релевантными данные предположения (Cherlin, Chase-Lansdale, McRae, 1998; Dronkers, Härkönen, 2008). Сложность использования понятия габитуса в перспективе семейного развития заключается, в том, что, будучи структурирующей структурой, он указывает на обреченность семей с разным уровнем семейного культурного капитала, одни из которых попадают в колею разводов, а другие в колею долгих и счастливых браков. В статье И. Забаева и Е. Костровой авторы сравнивают понятие габитуса у Бурдьё и понятие этоса, предложенное М. Вебером. Если первое связывается с традиционным действием, то есть опривыченными образцами действия, то последнее с ценностно-рациональным действием, которое скорее является рефлексивными (рефлексия моральных норм) и социальным, то есть по смыслу ориентированным на действия других людей (Забаев, Кострова 2020). В этом смысле культура семейной жизни сродни понятию этоса, если и поскольку вместе с ценностными образцами она включает в себя методическое действие, то есть способы разумной организации жизни, которая при этом позволит не отклоняться от тех ценностей (кодекса), которые разделяют носители этой культуры.

В последние годы вышло несколько исследований, которые с опорой на различные данные указывают на содержание той культуры, о которой мы говорим. Во-первых, речь идет о тех христианских добродетелях, которые также определяются как компетенции благоприятные для совместной семейной жизни – прощение, смирение, самопожертвование, благодарность и т.п. Последние подвергаются

операционализации и измерению в контексте семейных отношений. Анализ показывает, что обладание ими повышает удовлетворенность семейной жизнью в целом, солидарность и чувство общности в браке (Джеффрис, 2014; Павлюткин Голева, 2023). В одном из исследований на российских данных показано, что существует корреляция между частотой посещения религиозных служб и более положительными значениями суждений о качествах брака («В браке важно отказываться от своих желаний и интересов друг для друга», «В браке важно отказываться от своего мнения ради общего согласия»), которые связаны с отстраненностью от «Я» для «Мы» в браке. Они выступают признаками отношенческой рефлексивности, то есть компетенции, которая благоприятствует общности в браке (Павлюткин Голева, 2023; Маркина, 2016). В данном случае речь идет не следовании определенным предписаниям нормативного порядка семейной жизни, а о взаимной поддержке супругов в тех ситуациях, когда этот порядок нарушается. Ярким примером нарушения такого порядка служит рождение нескольких детей, что требует от обоих супругов значительной перестройки социальной организации семьи (Павлюткин, 2021). Во-вторых, речь идет о тех ценностно-нормативных принципах, сопровождающих христианские идеалы (кодекс этики) супружества и рождения детей, без которых они теряют смысл. В исследовании П. Алексеевой показано, что такие показатели как частота общения с священником, а также включенность в церковную общину значимо повышают однозначность оценок по следующим этическим суждениям, которые отражают отношение к семейной жизни: «Прежде чем официально заключать брак, люди обязательно должны съехаться, пожить вместе» (отрицание); «В браке важно не останавливать рождение детей» (принятие); «Секс без официального брака – это неправильно» (принятие) (Алексеева,

2023). В-третьих, речь также может идти о тех навыках, которые не напрямую связаны с религиозностью, но которые обусловлены жизнью в многодетных семьях, приобретаются с детства и помогают в организации собственного родительства и супружества. Одно из них было названо техниками детодержания, особым опытом необходимым для взаимодействия с несколькими детьми, а также организации жизни в доме (Забаев, Кострова, Голева, 2022). «Мы говорим о том опыте, которые получает человек, если у него есть младшая сестра или младший брат (или несколько) и он вынужденно или добровольно осваивает технику общения с маленьким ребенком, начиная от собственно общения и заканчивая уходом за ним. Проведенные интервью показывают, что люди, имевшие такой опыт, избавляются от определенного вида страха, возникающего от неумения и незнания того, как нужно себя вести с «этим непонятым существом», в то время как не имеющие такого опыта с такими страхами часто сталкиваются» (Забаев и др., 2012: 111).

Наблюдения за жизнью молодых семей показывают, что элементы этой культуры слабо выражены, о чем как минимум свидетельствует растущий спрос на познавательную, психологическую, педагогическую литературу, курсы, тренинги, очные и онлайн консультации, материнские форумы, медиа ресурсы. В ряде исследований фиксируется, что как переход в супружество, так и переход в родительство связаны с различного рода страхами и неуверенностями, которые повышают издержки для принятия решения о рождении новых детей. Опросы общественного мнения указывают на наличие запроса на подготовку к семейной жизни, как родительству, так и «искусству супружеской жизни»¹⁰. В научной

литературе появляется все больше терминов, выделяющих различные элементы культуры семейной жизни. Появляются такие понятия, как техники детодержания (как кормить, как лечить, как общаться и т.п.), семейная логистика, интенсивное родительство, управление временем в многодетной семье, супружеские компетенции, семейные добродетели, указывающие на то, что осознанная семейная жизнь сама по себе востребует как ценности, так и опытные практики, связывающие эти ценности с действиями (Забаев и др., 2012; Голева, 2019; Поливанова и др., 2023). Можно сделать обоснованное предположение, что переход к жизни с одним ребенком и к жизни тремя детьми предполагает разный уровень освоения социальных навыков и компетенций, которые снижают издержки значимых семейных переходов. Там, где их удастся освоить, переход к семье с несколькими детьми в устойчивом браке, то есть связь ценностей и практик будет более вероятной.

Количественные исследования последних лет показывают, что на фоне общих негативных процессов в сфере семьи и демографии выделяются группы населения, в которых ценности семьи реализуются на практике, то есть устойчивость брака в них связана с рождением нескольких детей (Павлюткин, Борисова, 2019; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Как правило, речь идет о религиозных семьях священников и мирян, которые вовлечены в совместное общение на приходах. Как правило это семьи, которые вовлечены в жизнь церковных приходов (в том числе практику исповеди у общего духовника), а также участвуют в создании среды, поддерживающей семью – воскресные школы, семейные детские сады, молодежные клубы, семейные лагеря,

¹⁰ Павлюткин И.В., Голева М.А., Мелкумян Е.Б. Анализ суждений о важных и реализованных ожиданиях от брака (на данных онлайн-опроса,

2019). М.: Научная лаборатория «Социология религии» ПСТГУ, 2020. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (дата обращения: 22.09.2024).

школы и т.п. (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021). Они сегодня являются носителями культуры семейной жизни, то есть имеют отрефлексированный опыт жизни в длительном браке с несколькими детьми, позволяющий преодолевать трудности в совместной жизни (Емельянов, 2019)¹¹. Более того, нам удалось показать, что там, где удается обеспечить взаимодействие (коммуникацию) таких семей с молодыми неопытными семьями вне зависимости от их религиозности происходит приобщение последний к этой культуре. Мы назвали такие эффекты сетевыми, когда за счет организации неформального посредничества между разными типами семей, через школы, лагеря, клубы появляется возможность увидеть и «заразиться» определенным примером семей, приобрести определенные навыки и включиться в сеть взаимной поддержки (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как следствие, вместо обсуждения макроуровня влияния религиозных институтов на семью или микроуровня влияния индивидуальных переменных религиозности мы предлагаем обсуждение мезоуровня влияния, а именно того, что на языке социальных наук называется социальным измерением религиозности, то есть теми сообществами и социальными сетями, которые генерируют социальный капитал, а также связывают уровни макро и микроанализа (Грановеттер, 2009; Prutskova, 2020). Фактически речь идет о том, что в ситуации слабого сцепления между институциональным и индивидуальным влиянием религии на семью или ценностей на действия, именно на мезоуровне можно увидеть те

модерирующие факторы или механизмы, которые обеспечивают связанность.

В последние десять лет вышла серия публикации, в которых показывается, что социальное измерение религиозности имеет важное значение для объяснения процессов религиозной динамики. «В России особенно важно измерять социальные аспекты религиозности, так как «религиозность, замеренная на индивидуальном уровне, не показывает эффектов религии на иные сферы жизни» (Prutskova, 2021: 3; Алексеева, 2023). Взаимодействие религиозных и нерелигиозных индивидов в религиозной и в не религиозной среде – это качественно отличающиеся ситуации, когда речь заходит об изучении ценностей, установок и моделей принятия решений. Социальное измерение религиозности указывает на эффекты индивидуального и коллективного взаимодействия, которое может приобретать разные сетевые формы. Вслед за общей теорией социальной структуры, которая, как правило, обсуждает разные эффекты сетевых форм, мы предлагаем говорить о закрытом социальном капитале, который работает на усиление интенсивности связей тех, кто находится внутри приходской структуры, а также открытом социальном капитале, функция которого заключается в наведении мостов или посредничестве между теми, кто имеет низкую вероятность связи, например ядра церковной общины и теми, кто идентифицирует себя как православный, но не является практикующим верующим (Burt, 2001; Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014).

Сплачивающий социальный капитал. Сплачивающий социальный капитал состоит из ожиданий и обязательств, информационных потоков и норм, которые

¹¹ Этот опыт отличается от простых образцов, которые транслируются в медиа или же обсуждаются на просвещенческих курсах о семье. Речь идет о «живом» отрефлексированном на

практике опыте, компетенциях и принципах, которые помогают в жизни семьи с несколькими детьми.

обеспечивают связанность социальных структур, дают преимущества тем, кто в них включен, а не только одной стороне взаимодействия (Coleman, 1988; Coleman, 1994)¹². Как правило в рамках этнографических наблюдений речь идет о внутри приходском взаимодействии священников и мирян, однако можно отдельно выделить случаи описания праздников, клубов, лагерей, школы, групп взаимопомощи, которые рассматриваются как элементы среды социального взаимодействия, не обязательно территориально привязанные к приходу, но имеющими связующие нити (Врублевская 2016; Забаев, Пруцкова, 2013; Забаев и др., 2015). В количественных исследованиях включаются средовые или контекстуальные характеристики приходской организации такие как частота общения с священником, опыт религиозной социализации в семье и школе, вовлеченность в приходскую жизнь (воскресные школы, семейные лагеря, детские сады и т.п.), а также размер эго-сетей прихожан (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014; Алексеева, 2023; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Например, П. Алексеева показала, что ценностно-нормативные вопросы, связанные с браком и рождением детей, показывают большие коэффициенты корреляции именно с социальными, а не с индивидуальными компонентами религиозности. По ее мнению, индексы социальной религиозности позволяют выделить то сравнительно небольшое количество церковных православных, священников и мирян, которые составляют

«малое стадо» (Алексеева, 2023). «Вслед за предшествующими исследователями мы можем предположить, что нормы и ценности брака – социально укоренены. Это кажется оксюмороном, но в современном мире, где поиск пары сопровождается атомизированностью и дискурсом «личного выбора», этот вывод далеко не очевиден. Нормы и ценности брака скорее могут быть связаны с религиозной средой, чем с индивидуальной религиозностью. Во-первых, это может свидетельствовать о том, что для формирования православного взгляда на брак недостаточно индивидуального погружения в религию; во-вторых, мы можем предположить наличие некоей православной экологии выбора – особой социальной среды поиска и выбора пары» (Алексеева, 2023: 136). Исследования эффектов спланированного социального капитала в целом показывают, что приходские общины выступают элементом социальной (моральной) среды, в которой принимаются решения о браке и рождении детей, формируются межсемейные дружеские связи, способствующие созданию групп, клубов, организаций для совместного воспитания нескольких детей в браке (Павлюткин, 2021).

Связывающий социальный капитал. Связывающий социальный капитал представляет собой совокупность слабых связей, которые являются мостами между более замкнутыми структурами, то есть обеспечивают пути для трансляции идей, норм, информации (Грановеттер, 2009). Важность наличия таких мостов связана с тем, что они упрощают процессы

¹² Один из авторов теории социального капитала Дж. Коулман приводит множество примеров, доказывающих, что определенные социальные структуры могут приносить пользу не тем, кто их создает или образует ядро, а всем, кто в нее включен. «Например, там, где среди родителей детей, посещающих школу, существует множество комитетов, в них, как правило, участвует небольшое число матерей, которые не работают полный рабочий день вне дома. Однако сами матери получают лишь часть преимуществ от этого социального капитала, создаваемого школой. Если

кто-то из них решит отказаться от этих занятий, например, перейти на работу на полный рабочий день, это может быть вполне разумным поступком с личной точки зрения и даже с точки зрения ее семьи и детей. Преимущества нового вида деятельности для нее могут намного перевесить потери, связанные с сокращением контактов с другими родителями, чьи дети посещают школу. Но прекращение ею от этих занятий является потерей для всех других родителей, чьи ассоциации и контакты зависят от них» (Coleman, 1994: 316).

диффузии, преодолевая проблему сетевой избыточности (*network redundancy*) или замкнутости (Burt, 2001). Знание, которое накапливается внутри плотных сообществ, не выходит за их границы, пока не появится определенная степень открытости и не возникнет мостов, обеспечивающих пути во внешние среды. Проводя аналогию с религиозной средой, можно говорить о том, что даже если ядро церковных приходов является носителем культуры семейной жизни, источником важных образцов, социальных навыков и компетенций в сфере семейной жизни, то без наличия мостов, связывающих замкнутые общинами и с остальной частью православного населения такая диффузия будет затруднена или невозможна в принципе. Например, известно, что при 70% населения, идентифицирующего себя с православием, лишь около 10% можно назвать практикующими верующими. Однако это не значит, что эти две категории социально изолированы, никак не связаны между собой или представляют собой случайно распределенные множества. Несколько исследований показали, что каждый второй православный в России имеет сильную или слабую связь с теми, кто регулярно участвует в богослужениях и активно вовлечен в жизнь того или иного прихода (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014). «Открытые» церковные приходы вовлекают в себя не только церковных людей, создавая своеобразные клубы, а также нецерковных людей, создавая поводы для взаимодействия. Например, в одном из исследований социального капитала сделан вывод о том, что именно дети оказываются таким связывающим поводом, которые расширяют сеть контактов внутри православной среды. «Наличие детей в семье также способствует формированию более широких социальных сетей поддержки. Это влияние может быть

обусловлено расширением списка социальных контактов за счет включения в него семей друзей ребенка. Примечательно, что наилучшим образом в модели «сработало» не количество детей, а дихотомическая переменная, где «1» означает наличие двух или более детей в семье, «0» – наличие одного ребенка или отсутствие детей. Это означает, что различия в размере сетей поддержки, обусловленные наличием детей в семье, начинают проявляться наиболее ярко с момента появления второго ребенка» (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014: 55-56). В исследовании переходов к многодетности в России были выделены кластеры многодетных родителей, которые характеризуются разным количеством детей, очередностью рождений и количеством браков. Среди выделенных довольно представительный кластер, где больше 95% родителей состояли в единственном браке, в семьях с тремя-четырьмя детьми и средним интервалом рождений в 3,5 года. По уровню религиозности их можно отнести к периферии приходов. Однако их специфика в сравнении с другими типами заключается, в том, в сети общения этих родителей находится 10 и более друзей, которые также являются многодетными. При этом только треть из них сами были из многодетных семей и почти половина семей не имели многодетных среди родственников (Павлюткин, Борисова, 2019). Этот результат показывает, что переход к многодетности для таких семей осуществлялся не в одиночестве, а в сопровождении других, прошедших этот путь семей, не обязательно тесно связанных между собой. Мы показали неслучайность данного примера за счет опроса многодетных родителей в разных городах России.

Рисунок 2. Связь количества детей в многодетной семье и параметров социального окружения¹³

Figure 2. Relationship between the number of children in a large family and indicators of the social environment

Для интерпретации этой группы многодетных были собраны интервью с такими типами родителей, которые, описывая свою мотивацию перехода к многодетности, говорили о переживании связи с другими опытными многодетными родителями. Они говорили о последних как о важных источниках образцов, к которым надо стремиться (они вдохновляют), у которых можно поучиться и с которыми можно регулярно общаться в отсутствие позитивных образцов внутри семей родственников (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021). На языке сетевых

исследований таких эффекты называются социальным заражением, социальным обучением и реципрокацией между семьями. Здесь мы можем вернуться к понятию культуры семейной жизни, элементы которой передаются посредством сетевых связей. Фактически мы увидели, как посредством праздников, лагерей, школ возникали эффекты от взаимодействия между ядром приходов, носителями культуры семейной жизни и нецерковными молодыми семьями, которые затем осуществляли семейной переход к многодетности.

¹³ Анализ проведен на результатах опроса 502 пар (1004 индивида соответственно). «По основным социально-демографическим характеристикам они распределились следующим образом. В парах, вошедших в исследование, насчитывалось от трех до шестнадцати детей (в среднем 3,7), средний интервал между рождениями составляет 4,3 года. Средний возраст женщин 36,8 лет, мужчин – 39,5 лет. Четверть респондентов хотя бы раз была в разводе, в то же время 70% пар включают супругов с единственным браком. Половина респондентов посещают богослужения раз в год и реже, треть – чаще раза в месяц, при этом исповедуются и причащаются хотя бы раз в месяц 17%. В венчанном браке состоят треть пар. 12 пар являются семьями священнослужителей. Высшее образование есть у 52% женщин и 44% мужчин. Почти четверть семей описывает свое материальное положение как высокое, а 16% утверждают, что приходится ограничивать себя даже в ежедневных расходах. В 45% пар женщины не работают, примерно пятая часть мужчин занимают руководящие позиции, и 20% занимают рабочие должности» (Павлюткин, Борисова 2019: 134). Опрос родителей в многодетных семьях был реализован АНО «Социологическая мастерская Задорина». При сборе данных использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Примером такой посреднической связи могут служить эффекты коллективной религиозной социализации, возникающие в православных школах. Такой эффект был продемонстрирован на уровне количественного исследования, когда выяснилось, что в странах, где большая доля детей проходила через разные формы религиозной социализации их вклад в итоговую рождаемость повышался в сравнении с индивидуальной религиозностью, а также нерелигиозными факторами (Berghammer, 2009; Пруцкова, Павлюткин, Борисова 2023). Вместе с тем, этот результат требует более содержательного примера., Одним из институтов такой религиозной социализации может выступать школа. Православная школа на языке сетевого взаимодействия может быть формой взаимодействия, генерирующей закрытый социальный капитал, когда она наполняется только детьми из многодетных семей ядра церковного прихода. Это позволяет создать безопасную моральную среду общения детей, которая способствует воспроизводству определенных норм и социальных навыков по отношению к семейной жизни. На примере исследований в разных странах показано, что те, кто проходят через религиозные школы в среднем раньше вступают в брак и рожают детей (Uecker, Hill, 2014). С другой стороны, православная школа может включать определенное соотношение детей из церковных и нецерковных семей, но которые хотели бы отдать детей именно в православную школу. В этом смысле, школа генерирует и открытый социальный капитал, создавая мосты для общения как детей, так и семей из разных групп по религиозности семей. В одной из крупных православных школ Москвы был проведен опрос выпускников, который выявил, что из ответивших выпускников 170 создали семьи среди которых (82%) – многодетные, в двадцати пяти семьях (12%) по два ребенка, в двенадцати (6%) – по одному. Также было проведено сравнение по

статистике детности выпускников православной школы и их родителей. «Сравнение семей родителей, из которых вышли выпускники, и нынешних семей школьников показывает это различие более рельефно: 12 семей против 110 имеет по одному ребенку, 25 против 62 – двое детей, уже 42 против 32 – трое детей, 44 против 28 – четверо детей, 27 против 11 – пятеро детей, 22 против шести – шестеро детей, 15 против четырех – семеро детей, уже девять семей – по восемь детей, каких не было у первого поколения родителей, шесть семей против двух – по девять детей и пять семей выпускников – по десять детей, каких не было у первого поколения родителей» (Постернак 2017: 63). На уровне общих данных видно, что дети, учившиеся в этой школе, не все были из многодетных семей, однако через общение внутри церковной среды в дальнейшем стали многодетными родителями, что говорит о важном значении как сильных, так и слабых связей, то есть мостов, которые обеспечивают эффект от связанности разных семей.

Заключение (Conclusions). В статье мы поставили вопрос о слабой связи между семейными ценностями и действиями, как следствием процессов секуляризации в России в 20-21 веке. Ученые по-разному обсуждают эффекты секуляризации для семейной жизни: как процесс девальвации ценностей брака и рождения детей, что приводит к согласованным изменениям в практиках, а также как процесс ослабления внешних и внутренних институтов, регулирующих семейную жизнь, что дает возможность альтернативных для устойчивого брака и рождения детей сценариев, а также повышает «цену» вступления в брак и рождения нескольких детей для тех, кто мотивирован на такой жизненный трек. Парадоксальным образом в России не происходит девальвации ценностей семьи, а формальные и неформальные институты, регулирующие семейную жизнь на протяжении последних десятилетий, являются слабыми. Наше предположение

исходит из того, что разрыв ценностей и действий в семейной жизни связан с разрушением механизмов передачи традиции или культуры семейной жизни в поколениях. В социальных науках можно назвать это эффектом детрадиционализации или потерей связи с определённым этосом, как следствие секуляризации. Определённые нормы семейной жизни существуют, но в ситуации семейных сложностей и без понимания их смысла они начинают восприниматься как «железная клетка». Культура семейной жизни включает в себя определённые образцы, навыки и компетенции, необходимые для того, чтобы реализовать на практике ценности семейной жизни: родительские компетенции, сценарии и стили общения с супругами и детьми в разном возрасте, принятие расширенных семейных отношений, установки на общение с детьми по различным вопросам и т.д. Их отсутствие может приводить к росту негативных оценок родительства и супружества каждый раз, когда молодые люди сталкиваются с сложностями, а также к росту запросов на «широкие знания» о семейной жизни. Мы обнаружили в ряде исследований, что недостаток «семейного культурного капитала» семьи, осуществляющие переход к многодетности, компенсировали за счет накопления социального капитала во взрослом возрасте, то есть за счет сильных и слабых связей с теми, кто являются носителями культуры семейной жизни, в частности, церковными семьями, в которых ценности и действия более согласованы. В этом случае социальный капитал создает замкнутую среду прямых связей между опытными и молодыми семьями, в которой им и их детям удастся пройти раннюю религиозную или позднюю социализацию. Во втором случае социальный капитал представляет собой мосты, обеспечивающие не всегда прямую связанность между религиозными группами, являющимися носителями

семейной культуры и нецерковными православными семьями, которые востребуют образование в сфере семейной жизни. Чем больше появляется таких мостов и медиаторов между такими группами, тем больше возможностей для молодых людей для того, чтобы их слова и поступки в семейной жизни не расходились. Наши выводы имеют практические следствия для тех субъектов, кто заинтересован в реализации семейной политики как в государстве, так и в церкви. Они указывают на важность «инвестиций» в те социальные структуры (школы, клубы, лагеря и т.п.), которые позволяют расширять возможности коммуникации открытых семейных церковных приходов с внешними группами и организациями.

Список литературы

- Алексеева П. А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 119-144.
- Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 1. С. 106-137.
- Артамонова А. В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 110-134.
- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28, № 4. С. 128-151.
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. Т. 13, № 1. С. 103-127.
- Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 32-48.
- Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34-50.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31-50.

Голева М. А. Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 3. С. 136-163.

Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 239-260.

Джеффрис В. Мораль добродетели и брачная солидарность // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН, 2014. С. 109-147.

Забаев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2021. 222 с.

Забаев И. В., Кострова Е. А. Российский парадокс религии и рождаемости. Спецификация проблемы и разработка объясняющей гипотезы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 108. С. 89-111.

Забаев И. В., Кострова Е. А. Этнос vs габитус: этический компонент в «Протестантской этике» М. Вебера // Социология власти. 2020. Т. 32, № 4. С. 45-67.

Забаев И., Кострова Е., Голева М. Самореализация и дети: логики использования пространства в нарративах россиянок // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 127-154.

Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально- сетевого анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 40-66.

Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? //

Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 77-104.

Калачикова О., Козлова О., Архангельский В. Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 105-138.

Материнство: новые дискурсы, проблемы, практики / К. Н. Поливанова, Е. В. Сивак, Я. Я. Михайлова [и др.]; под науч. ред. К. Н. Поливановой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.

Маркина И. В. Семейные отношения в реляционной социологии Пьерпаоло Донати // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2, № 1 (7). С. 70-82.

Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России / И. В. Павлюткин, М. А. Голева, О. Н. Борисова. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2021. 224 с.

Павлюткин И. В. Как возникает общность в браке: логика взаимности в нарративах жён из многодетных семей // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 4. С. 11-34.

Павлюткин И. В., Голева М. А., Мелкумян Е. Б. Анализ суждений о важных и реализованных ожиданиях от брака (на данных онлайн-опроса, 2019). Москва: Научная лаборатория «Социология религии» ПСТГУ, 2020. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (дата обращения: 22.09.2024).

Павлюткин И. В., Голева М. А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. Т. 7, № 7. С. 106-117.

Павлюткин И. В., Голева М. А. Значение религии в объяснении российского парадокса брачности: обоснование гипотезы об отношенческих компетенциях на примере супругов, идентифицирующем себя с православием // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 106. С. 107-133.

Постернак А. В. Православная Школа мегаполиса в зеркале различных адресных групп // Этнодиалоги. 2019. № 1 (57). С. 57-67.

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других

европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2 (174). С. 103-126.

Пьенкова А. В. Понятие «габитус» в социологии Пьера Бурдьё // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Серия. 1996. Т. 11, С. 26-47.

Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115.

Тындик А. О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95-112.

Щербакова Е. М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. № 1043-10442. URL: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (дата обращения: 22.09.2024).

Berger P., Kellner H. Marriage and the construction of reality: An exercise in the microsociology of knowledge // Diogenes. 1964. Vol. 12, № 46. Pp. 1-24.

Bourdieu P. On the family as a realized category // Theory, Culture & Society. 1996. Vol. 13, № 3. Pp. 19-26.

Buber-Ennser I., Berghammer C. Religiosity and the realisation of fertility intentions: A comparative study of eight European countries // Population, space and place. 2021. Vol. 27, № 6. Pp. 1-25.

Burt R. Structural holes versus network closure as social capital. In N. Lin, K. S. Cook, & R. S. Burt (Eds.) // Social capital: Theory and research. New York: Aldine de Gruyter. 2001. Pp. 31-56.

Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990.

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American journal of sociology. 1988. Vol. 94, Pp. 95-120.

Cherlin A. J., Chase-Lansdale P. L., McRae C. Effects of parental divorce on mental health throughout the life course // American Sociological Review. 1998. Vol. 63, № 2. Pp. 239-249.

Dronkers J., Härkönen J. The intergenerational transmission of divorce in cross-national perspective: Results from the Fertility and

Family Surveys // Population studies. 2008. Vol. 62, № 3. Pp. 273-288.

Prutskova E. Social vs. individual centrality of religiosity: research in religious and non-religious settings in Russia // Religions. 2020. Vol. 12, № 1. Pp. 1-18.

Spéder Z., Kapitány B. Failure to realize fertility intentions: A key aspect of the post-communist fertility transition // Population Research and Policy Review. 2014. Vol. 33, Pp. 393-418.

Van de Kaa D. J. Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior // Population and Development Review. 2001. Vol. 27, Pp. 290-331.

Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. Vol. 66, № 4. Pp. 848-861.

Regnerus M. The future of Christian marriage. Oxford University Press, 2020.

Uecker J. E., Hill J. P. Religious schools, home schools, and the timing of first marriage and first birth // Review of Religious Research. 2014. Vol. 56, № 2. Pp. 189-218.

References

Alekseeva, P. A. (2023), "The connection between religiosity and value-normative ideas about marriage: the view of Russian married youth", *Mir Rossii*, 32 (3), 119-144. (In Russian)

Artamonova, A. V., Mitrofanova, E. S. (2018), "Matrimonial behavior of Russians against the background of other Europeans", *Demographic review*, 5 (1), 106-137. (In Russian)

Artamonova, A. V. (2018), "Trajectories of the formation of the Russian family: changes and factors determining them", *Sociologicheskij zhurnal*, (2), 110-134. (In Russian)

Borisova, O. N., Pavlyutkin, I. V. (2019), "Variability of models of modern urban large families: revival of tradition, new marriages or network effects?", *Mir Rossii. Sociologija. Jethnologija*, 28 (4), 128-151. (In Russian)

Vrublevskaya, P. V. (2016), "Circulation of children's items in Christian Orthodox Parish: Observations to the gift exchange theory", *Researches in Religious Studies*, 1 (13), 103-27. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2018), "The paradox of religiosity: where do believers come from?", *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 32-48. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2019), "The importance of the family of an Orthodox priest in pastoral ministry: a theological approach", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (82), 34-50. (In Russian)

Granovetter, M. (2009), "The strength of weak ties", *Economic sociology*, 2009. 10 (4), 31-50. (In Russian).

Goleva, M. A. (2019), "Network effects of fertility: the case of large families in Russia", *Economic sociology*, 20 (3), 136-163.

Goleva, M. A. (2019), "The social significance of time in a family with children (on the example of large families)", *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (3), 239-260.

Jeffries, V. (2014), "Morality of virtue and marital solidarity", *Social'naja solidarnost' i al'truizm: sociologicheskaja tradicija i sovremennye mezhdisciplinarnye issledovanija* [Social solidarity and altruism: a sociological tradition and modern interdisciplinary research], Efremenko, D. V. (ed.), INION RAN, Moscow, Russia, 109-147. (In Russian)

Zabaev, I. V., Emelyanov, N. N., Pavlenko, E. S., Pavlyutkin, I. V. (2012), *Sem'ja i detorozhdenie v Rossii: kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and childbearing in Russia: categories of parental consciousness], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia. (In Russian)

Zabaev, I. V., Kostrova, E. A. (2023), "The Russian paradox of religion and fertility. Specification of the problem and development of an explanatory hypothesis", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (108), 89-111. (In Russian)

Zabaev, I. V., Kostrova, E. A. (2020), "Ethos vs habitus: an ethical component in M. Weber's "Protestant Ethics"", *Sociology of Power*, 32 (4), 45-67. (In Russian)

Zabaev, I., Kostrova, E., Goleva, M. (2022), "Self-realization and children: the logic of using space in the narratives of Russian women", *Sociological Review*, 21 (3), 127-154. (In Russian)

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A. and Prutskova, E. V. (2014), "Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 32 (1), 40-66. (In Russian)

Zakharov, S., Churilova, E. (2022), "Religion, religiosity and fertility in Russia. Is

there a relationship?", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40(4), 77-104. (In Russian)

Kalachikova, O., Kozlova, O., Arkhangel'sky, V. (2022), "The religious determinant of the reproductive intentions of Russians", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40 (4). 105-138. (In Russian)

Polivanova, N., Sivak, E. V., Mikhailova, Ya. (2023), *Materinstvo: novye diskursy, problemy, praktiki* [Motherhood: new discourses, problems, practices], in Polivanova, K. N.(ed), Higher School of Economics, Moscow, Russia. (In Russian)

Markina, I. V. (2016), "Family relations in relational sociology by Pierpaolo Donati", *Research result. Sociology and Management*, 2 (7), 70-82. (In Russian).

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A., Borisova, O. N. (2021), *More zhizni: Kak rozhdajutsja mnogodetnye sem'i v sovremennoj Rossii* [The sea of life: How large families are born in modern Russia], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V. (2021), "How community arises in marriage: the logic of reciprocity in the narratives of wives from large families", *Economic sociology*, 22(4), 11-34. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A., Melkumyan, E.B. (2020), *Analiz suzhdenij o vaznyh i realizovannyh ozhidaniyah ot braka (na dannyh onlajn-oprosa, 2019)* [Analysis of judgments about important and realized expectations from marriage (based on online survey data, 2019)], Scientific Laboratory "Sociology of Religion" STU, Moscow, Russia, [Online], available at: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (Accessed 22 September 2024). (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M.A. (2020), "How families with a large number of children are created: types of life transitions of parents", *Sociological Studies*, 7 (7), 106-116. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A. (2023), "The importance of religion in explaining the Russian Marriage Paradox: substantiation of the hypothesis of relational competencies on the example of spouses identifying themselves with Orthodoxy", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (106), 107-133. (In Russian)

- Posternak, A. V. (2019), "Orthodox School of megapolis in the mirror of various address groups", *Ethnology*, 1 (57), 57-67. (In Russian)
- Prutskova E. V., Pavlyutkin I. V., Borisova O. N. (2023), "The relationship of religiosity and fertility in Russia against the background of other European countries: the effect of social context", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2 (174), 103-126. (In Russian)
- Pienkova, A. V. (1996), "The concept of "habitus" in Pierre Bourdieu's sociology. Social sciences and humanities", *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura: referativnyj zhurnal*, 11, 26-47. (In Russian)
- Sinelina, Yu. Yu. (2013), "On the dynamics of religiosity of Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims)", *Sociological Studies*, (10), 104-115. (In Russian)
- Tyndik, A. O. (2012), "Reproductive attitudes of the population in modern Russia", *SPERO*, 16, 95-112. (In Russian).
- Shcherbakova, E. M. (2024), "Demographic results of the first half of 2024 in Russia (part I)", *Demoscope Weekly*, 1043-10442. [Online], available at: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (Accessed 22 September 2024). (In Russian).
- Berger, P., Kellner, H. (1964), "Marriage and the construction of reality: An exercise in the microsociology of knowledge", *Diogenes*. 12 (46), 1-24.
- Bourdieu, P. (1996), "On the family as a realized category", *Theory, culture & society*, 13(3), 19-26.
- Buber-Ennsner, I., Berghammer, C. (2021), "Religiosity and the realisation of fertility intentions: A comparative study of eight European countries", *Population, space and place*, 27 (6).
- Burt, R. (2001), "Structural holes versus network closure as social capital", in N. Lin, K. S. Cook, & R. S. Burt (Eds.), *Social capital: Theory and research*, Aldine de Gruyter, New York, 31-56.
- Coleman, J. (1990), *Foundations of Social Theory*, Cambridge, MA.
- Coleman, J. S. (1988), "Social capital in the creation of human capital", *American journal of sociology*, 94, S95-S120.

- Cherlin, A. J., Chase-Lansdale, P. L., & McRae, C. (1998), "Effects of parental divorce on mental health throughout the life course", *American Sociological Review*, 239-249.
- Dronkers, J., Härkönen, J. (2008), "The intergenerational transmission of divorce in cross-national perspective: Results from the Fertility and Family Surveys", *Population studies*, 62 (3), 273-288.
- Prutskova, E. V. (2021), "Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia", *Religions*, 12 (15), 1-18.
- Spéder, Z., Kapitány, B. (2014), "Failure to realize fertility intentions: A key aspect of the post-communist fertility transition", *Population Research and Policy Review*, 33, 393-418.
- Cherlin, A. J. (2004), "The deinstitutionalization of American marriage", *Journal of marriage and family*, 66 (4), 848-861.
- Regnerus, M. (2020), *The future of Christian marriage*, Oxford University Press.
- Van de Kaa, D. J. (2001), "Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior", *Population and Development Review*, 27, 290-331.
- Uecker, J. E., & Hill, J. P. (2014), "Religious schools, home schools, and the timing of first marriage and first birth", *Review of Religious Research*, 56(2), 189-218.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2024 г. Поступила после доработки 05 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г.
Received 28 October 2024. Revised 05 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Павлюткин Иван Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского университета, Москва, Россия.
Ivan V. Pavlyutkin, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Sociology of Religion Laboratory, St. Tikhon's University, Moscow, Russia.